

К. Е. МАЙТИНСКАЯ (Москва)

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ*

Большинство финно-угроведов для прафинно-угорского (прауральского) периода не признает особой формы будущего времени.¹ Мы разделяем данную точку зрения по следующим причинам: 1) ни об одном из известных общефинно-угорских признаков времен (*-j, *-ś, *-k) нельзя доказать, что он первоначально выражал значение будущности действия или состояния (если бы указанные суффиксы имели такую основную функцию, они ее как основную сохранили хотя бы в нескольких финно-угорских языках); 2) для выражения действия (состояния), происходящего (наступающего) после момента речи, финно-угорский язык-основа не нуждался в особом признаке, поскольку соответствующее грамматическое значение выражалось формой настоящего времени; подобная возможность использования формы настоящего времени сохранилась во всех финно-угорских языках; кроме того, известно, что и многие другие (не-уральские) языки легко обходятся без грамматикализованной формы будущего времени, так как значение будущности действия (состояния) и в них может обозначаться формой настоящего времени (даже в тех языках, в которых имеется хорошо развитая форма будущего времени, например, в немецком, русском, ср. нем. *morgen gehe ich ins Theater*, рус. *завтра я иду в театр*).

Для выражения будущего действия (или состояния) специальные грамматические формы употребляются уже во многих финно-угорских языках. О сравнительно позднем возникновении этих форм свидетельствует большое разнообразие применяемых способов и, особенно, материальное несовпадение средств выражения в разных языках (например суффикса или вспомогательного глагола). Материальная общность этих средств в лучшем случае распространяется на группу близкородственных языков (например, вспомогательный глагол *karma-ms* употребляется

* Доклад, прочитанный на XIV Всесоюзной конференции финно-угроведов в сентябре 1972 г. (Саранск), с дополнениями.

¹ E. N. Setälä, Zur Geschichte der Tempus- und Modusstambildung in den finnisch-ugrischen Sprachen. — JSFOu II 1887; J. Szinyei, Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Berlin—Leipzig 1922, стр. 118—119; E. Itkonen, Die Laut- und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache. — UAJb. XXXIV 1962, стр. 208; P. Hajdú, Bevezetés az uráli nyelvtudományba, Budapest 1966, стр. 72, 138—140; другого мнения придерживается Б. А. Серебrenников; он допускает, что в прауральском языке существовало будущее время, характеризовавшееся показателем *-k; по его мнению, последний выражал широкие варианты модальных значений, см. Б. А. Серебренников, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, Москва 1964, стр. 86—87; его же, Историческая морфология мордовских языков, Москва 1967, стр. 142.

только в мордовских языках). Таким образом формы будущего времени в разных ветвях финно-угорских языков появились в результате параллельного развития, причиной же их возникновения следует считать стремление к более точному и дифференцированному выражению временных значений.

Поскольку (как уже отмечалось выше) в финно-угорских языках формы будущего времени весьма разнообразны, изучение типов выражения будущего действия или будущего состояния и далее анализ путей возникновения соответствующих средств представляют собой большой интерес не только для исследования отдельных языков, но также для типологических обобщений как в пределах финно-угорских языков, так и в сопоставлении с языками других генетических групп.

В финно-угорских языках выявляются следующие типы образования форм будущего времени: 1) использование особого ряда личных окончаний (например в пермских языках); 2) использование особого показателя (например суффикса *-nd* в устаревшей форме будущего времени венгерского языка); 3) использование аналитических форм, например форм, в состав которых входят вспомогательные глаголы, ср. венг. *jog-ni*, морд. *karma-ms*; 4) супплетивный способ (например, в парадигме глагола бытия в венгерском и пермских языках, ср. венг. *van* 'есть, имеется' и *lesz* 'будет', коми-зыр. *em* 'есть, имеется' и *log, loas* 'будет'). Ниже указанные способы образования рассмотрим несколько подробнее.

I. Как правильно отметил Б. А. Серебренников, в прапермское время еще не было особой формы будущего времени.² Тем не менее она уже тогда, по-видимому, намечалась в виде тенденции, что подтверждается поразительной однотипностью возникновения форм будущего времени во всех пермских языках (несмотря на кажущиеся различия между указанными формами).

Пермские формы будущего времени специального показателя не имеют. В коми-пермяцком и коми-зырянском языках они от соответствующих форм настоящего времени отличаются только в 3-м лице единственного и множественного числа; ср. коми-перм. *tuna* 'я иду' и 'я пойду', *tunap* 'ты идешь' и 'ты пойдешь', но *tunę* 'он идет' и *tunas* 'он пойдет', *tunap* 'мы идем' и 'мы пойдем', *tunat* 'вы идете' и 'вы пойдете', но *tunęni* 'они идут' и *tunase* 'они пойдут'; коми-зыр. *tuna* 'я иду' и 'я пойду', *tunap* 'ты идешь' и 'ты пойдешь', но *tunę* 'он идет' и *tunas* 'он пойдет', *tunap* 'мы идем' и 'мы пойдем', *tunannid* 'вы идете' и 'вы пойдете', но *tunęni* 'они идут' и *tunasni* 'они пойдут'. На удмуртской почве разграничение форм настоящего и будущего времени распространилось на все лица, ср. 1. (у глаголов 1-го спряжения) *mjiniško* 'я иду' и *mjno* 'я пойду', *mjiniškod* 'ты идешь' и *mjnod* 'ты пойдешь', *mjne* 'он идет' и *mnoz* 'он пойдет', *mjiniškom(i)* 'мы идем' и *mjom(i)* 'мы пойдем', *mjiniškodj* 'вы идете' и *mjnodj* 'вы пойдете', *mjno* 'они идут' и *mnozi* 'они пойдут'; 2. (у глаголов 2-го спряжения): *dašaško* 'я готовлю' и *dašalo* 'я буду готовить', *dašaškod* 'ты готовишь' и *dašalod* 'ты будешь готовить', *daša* 'он готовит' и *dašaloz* 'он будет готовить', *dašaškom(i)* 'мы готовим', *dašalom(i)* 'мы будем готовить', *dašaškodj* 'вы готовите' и *dašalodj* 'вы будете готовить', *dašalo* 'они готовят' и *dašalozj* 'они будут готовить'.

² Б. А. Серебренников, Историческая морфология пермских языков, Москва 1963, стр. 274.

Все перечисленные пермские формы будущего времени объясняются как переосмысленные личные формы настоящего времени; суффиксы 3-го лица коми $-(a)s$, удм. $-(o)z$ — это рефлексы исконного прафинно-угорского личного окончания 3-го лица $*-s\ddot{s}$, которое в соответствующих пермских личных окончаниях настоящего времени отпало³; гласные, выявляющиеся в пермских языках, коми $-a$ (например в составе $-as$), удм. $-o$ (например в составе $-oz$) по происхождению не являются суффиксальными элементами, а восходят к конечному гласному глагольной основы (этим объясняется, что они обнаруживаются и в формах настоящего времени, см. примеры выше); $-l$ -овый элемент в удмуртских глагольных формах второго спряжения (у глаголов на $-ani$, $-jani$, например $arani$ 'жать') восходит к компоненту пермского суффикса $-al$ (ср. коми $-al$)⁴, выражавшему повторность действия; $-l$ (в составе $-al$) в ряде удмуртских форм был утрачен, но во многих формах, например в форме будущего времени, он как бы восстанавливается; однако $-l$ не стал суффиксом-показателем будущего времени, ведь он обнаруживается и вне этой категории (например в 3-м лице множественного числа настоящего времени, в форме повелительного наклонения). Поэтому в правиле, приведенном в грамматике удмуртского языка, согласно которому формы будущего времени в 1-м спряжении образуются при помощи суффикса $-o$, $-ë$, во 2-м спряжении — суффикса $-lo$ ⁵, допущена ошибка не только по истории данного явления, но также и в плане описательной грамматики современного удмуртского языка.

Наш краткий анализ показывает, что пермские формы будущего времени развились на почве форм настоящего времени, причем современные формы будущего времени ближе к прежней структуре личных форм настоящего времени, чем современные личные формы настоящего времени. К перечисленным вторичным изменениям в современной форме настоящего времени следует отнести также появление элемента $-šk$ (в удмуртских личных формах настоящего времени), по происхождению словообразовательного суффикса повторно-длительного значения.⁶

II. Уже в старовенгерских памятниках засвидетельствована форма будущего времени, образовавшаяся при помощи суффикса $-md$, позднее перешедшего в $-nd$; ср. *kérend* 'он будет просить'; ср. также *vigyázz, kedved majd követendi gyász* (Petőfi, *A tintás üveg*) 'берегись, за твоим весельем придет печаль'. Суффикс $-md$ восходит к словообразовательному суффиксу $-mod$, выражавшему инхоативное (начинательное) действие.

По-видимому, данная форма будущего времени особенно продуктивной никогда не была, а в современном литературном языке ее следы остались только в причастиях будущего времени типа *leendő, jövendő* 'будущий' (однако как живая форма она еще употребляется в некоторых говорах Трансильвании⁷). Переход суффикса $-mod$ в признак будущего времени типологически легко объясним: поскольку глаголы, образованные при помощи суффикса начинательно-мгновенного значения,

³ Впрочем, например, в удорском диалекте коми-зырянского языка оно сохранилось, ср. *боргас* 'он журчит', *боргасны(с)* 'они журчат', см. ССКЗД 478, 482.

⁴ Т. Е. Uotila, *Zur geschichte des konsonantismus in den permischen sprachen* (= MSFOu LXV), Helsinki 1933, стр. 203—205; Б. А. Серебрянников, Историческая морфология пермских языков, стр. 251, 319.

⁵ Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962, стр. 200.

⁶ J. Szinyei, указ. раб., стр. 106; Б. А. Серебрянников, Историческая морфология пермских языков, стр. 238—239.

⁷ G. Bárczi, L. Benkő, J. Berrár, *A magyar nyelv története*, Budapest 1967, стр. 415; A. Klemm, *Magyar történeti mondattan*, Budapest 1928, стр. 101—102.

обычно тяготеют к выражению совершенного действия и поэтому мало пригодны для употребления в значении настоящего времени (ср. рус. *морг-ну-ть*, *риск-ну-ть* и т. д.), их словообразовательные суффиксы легко превращаются в признаки будущего времени. В венгерском языке окончательный переход словообразовательного суффикса в формообразующий завершился изменением звукового состава (*-mod > -nd*).

Суффиксальный способ образования формы будущего времени является также в тавдинском наречии мансийского языка; в общем (безобъектном) спряжении используется суффикс *-e ~ -i*, восходящий к показателю настоящего времени: ф.-у. **-k > праманс. *-γ*. Тавдинский суффикс *-e ~ -i* противопоставляется тавдинским показателям настоящего времени *-änt* или *-l*, ср. *miñäntem* 'я иду' и *miñēm* 'я пойду', *miñänten* 'ты идешь' и *miñēn* 'ты пойдешь', *miñänt* 'он идет' и *miñi* 'он пойдет' и т. д., *išlätlem* 'я работаю' и *išlätēm* 'я буду работать', *išlätlen* 'ты работаешь' и *išlätēn* 'ты будешь работать', *išlätäl* 'он работает' и *išlāti* 'он будет работать' и т. д.⁸

III. Аналитический способ выражения будущего действия или состояния характерен для ряда финно-угорских языков, хотя далеко не во всех грамматиках регистрируются соответствующие формы будущего времени. Это объясняется следующими причинами: 1) подобные формы во всех финно-угорских языках употребляются сравнительно редко, так как с ними успешно «конкурируют» формы настоящего времени (см. выше); 2) в большинстве языков служебный элемент аналитической конструкции еще близок к породившему его полнозначному слову (ср. ниже, например о глаголе *karma-ms* в мордовских языках).

По использованию вспомогательных элементов аналитические формы будущего времени, встречающиеся в финно-угорских языках, можно разделить на две разновидности: к первой, более распространенной разновидности относятся случаи, когда в качестве вспомогательного компонента используется глагольное слово (чаще всего глагол со значением 'начинать'), ко второй разновидности относятся случаи, когда в функции вспомогательного элемента используется не-глагольное слово.

Аналитическая форма первой разновидности в пределах финно-угорских языков наиболее развита в венгерском, в котором она составлена из личных форм настоящего времени вспомогательного глагола *fog-ni* + инфинитив смыслового глагола; ср. *ír-ni fogok* 'я буду писать', *ír-ni fogsz* 'ты будешь писать' и т. д. Данная форма будущего времени встречалась уже в старовенгерском языке, но с ней довольно долго «конкурировала» и другая конструкция того же назначения, в которой вместо *fog-ni* использовался вспомогательный глагол *kezd-eni*. Как *fog-ni*, так и *kezd-eni* восходят к смысловым глаголам со значением 'начинать'. Однако слово *fog-ni* данное значение сохранило только точно: в соединении с приставками; ср. *hozzáfogni* 'начинать; приступать к чему-либо' (основное же значение *fog-ni* 'держатъ; ловить'); на основании значения 'начинать' *fog-ni* легко перешло в разряд вспомогательных глаголов. Аналогичным путем превратился в вспомогательный глагол будущего времени в кондинском наречии мансийского языка *pömt-* (первоначальное значение 'держатъ, схватить'), ср. *am jitēm-poqlēmт khon-när vonloq pömti tēt* 'после меня кто будет здесь сидеть?'⁹

Тенденция превращения глаголов со значением 'начинать' в вспомогательные компоненты аналитических форм будущего времени особенно

⁸ B. Munkácsi, A vogul nyelvjárások szóragszása. — NyK XXIV 1894, стр. 325.

⁹ B. Munkácsi, указ. раб., NyK XXIII 1893, стр. 393.

заметна в волжских и пермских языках.¹⁰ Соответствующие вспомогательные глаголы, как правило, еще не полностью оторвались от породивших их полнозначных глаголов, которые в значении 'начать, начинать' могут сами изменяться по формам времен и склонений (т. е. их можно спрягать по типу *я начал, ты начал, начни, начните* и т. д.). Характерно для волжских языков, что в них аналитическая форма будущего времени развивается под влиянием русского языка: она употребляется только для выражения действия, которое мыслится в будущем как несовершенное.

В мордовских языках аналитическая форма будущего времени образуется при помощи личных форм настоящего времени вспомогательного глагола *karma-ms* (основное значение 'начинать') + инфинитивная форма на *-mo/-me/-ta* смыслового глагола, ср. *ва чокшине минь сатано карматано ульця куншкасо симеме винадо* 'вот вечером мы придем, будем посередине улицы пить вино'.¹¹ Подобным же образом составляется и марийская форма будущего времени из личных форм настоящего времени вспомогательного глагола *tüŋalaš* (основное значение 'начинать') + инфинитив смыслового глагола; ср. *Эргычше? — Пеленет нангаает. Мый түлаш түналам* 'А твой сын? — Берешь с собой. Я буду платить'.¹²

В пермских языках наряду с формой будущего времени, образованной посредством использования особого ряда личных окончаний, употребляются и аналитические формы, состоящие из вспомогательного глагола, изменяющегося по лицам настоящего времени, + инфинитив смыслового глагола. Соответствующие вспомогательные глаголы весьма близки к смысловым глаголам, к которым они восходят; ср. коми-зырянские: *kutni, medni*, коми-зыр. и коми-перм. *pondini*, удм. *kutskini*, употребляющиеся и в значении 'начинать'. Поскольку формы будущего времени этого типа в пермских языках используются довольно редко и окончательно еще не установились, в грамматических очерках они обычно не приводятся.¹³ Наиболее подробно указанные формы рассматриваются в работах Б. А. Серебренникова. Им по коми-зырянскому и удмуртскому языкам приводятся примеры; ср. коми-зыр. *кутам тышкасьны медбөръя патрондзь* 'будем драться до последнего патрона'; *но славной геройлон подвиг модас овны советской йоз сьолмъясын намъяс* 'но подвиг славного героя будет вечно жить в сердцах советских людей'; удм. *мон ыбылыны ой ке кутскы, соос восстание луытозь жыны ар яке ар пукозы, нош восстание соосты мозмытоз* 'если я не буду стрелять, они посидят полгода или год до восстания, которое их освободит' и т. д.¹⁴; коми-перм. *ме понда гижны* 'я буду писать'.¹⁵

¹⁰ По обнаружению и обобщающему осмыслению данной тенденции в указанных языках большие заслуги имеет Б. А. Серебренников; см. соответствующие места в его трудах: Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, Москва, 1960, стр. 84—86, 134—135, 178—179, 231—232 и Историческая морфология пермских языков, стр. 277.

¹¹ Грамматика мордовских языков I. Фонетика и морфология, Саранск 1962, стр. 277.

¹² См. Б. А. Серебренников, Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, стр. 179.

¹³ Однако, например, в некоторых словарях делается намек на то, что в соединении с инфинитивами смысловых глаголов коми *kutni, medni, pondini* могут выражать и будущее время (Коми-русский словарь, Москва 1961, см. словарные статьи, посвященные указанным глаголам; см. также В. Munkácsi, Votják Szótár, Budapest 1890, стр. 209, где указано, что в подобной функции в удмуртских диалектах могут выступать *kutišk-, kušk-, kučk-* и т. д.), упоминается о соответствующей роли пермяцкого глагола *pondini* и в книге Коми-пермяцкий язык, Кудымкар 1962, стр. 251.

¹⁴ Б. А. Серебренников, Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, стр. 85—86, 134.

¹⁵ Коми-пермяцкий язык, стр. 251.

Слаборазвитая форма будущего времени, образованная при помощи личных форм вспомогательного глагола *hakkama* (его основное значение 'начинать') + *-m*-овый инфинитив смыслового глагола, выявляется в эстонском языке; ср. *hakkab kirjutama* 'он будет писать'¹⁶, *me hakkame alati meeles pidama tema töid* 'будем всегда помнить его труды'. Так же слабо развита в водском языке аналитическая форма будущего времени, составленная из личных форм вспомогательного глагола *neisa* ('подниматься', но и 'начинать') + инфинитив смыслового глагола; ср. *kui mēt kotõsē, sinua isä tuntemä eb neize* 'если ты пойдешь домой, твой отец тебя не узнает'.¹⁷ Подобная же конструкция формы будущего времени выявляется и в ижорском языке, ср. *noizemma kirjottamaa* 'мы будем писать'¹⁸ (*noisa* 'подняться', ср. вод. *neisa*).

Кроме глаголов, обозначающих 'начинать', в финно-угорских языках при образовании форм будущего времени наиболее часто выступают глаголы со значением 'стать (сделаться)', причем данное значение у соответствующих глаголов нередко является не основным, но именно оно дало толчок для их превращения во вспомогательные глаголы.

В северномансийском наречии глагол *patuŋkwe* 'стать', спрягаясь в форме настоящего времени и сочетаясь с инфинитивом смыслового глагола, выражает действие, не завершаемое в будущем; ср. *ālpəl ānisan rōxsaltanŋkwe at rōwi: tēnut, masnut at χōntanŋkwe patēpn* 'утром нельзя греметь посудой, пищу, одежду не будешь находить'.¹⁹ В нижнелозьвинском диалекте мансийского языка в качестве вспомогательного глагола будущего времени (сочетаясь с формой инфинитива смыслового глагола) используется *int-* 'стать, становиться, сделаться', ср. *minux ittēm* 'я пойду', *minux ittēn* 'ты пойдешь' и т. д.²⁰

В хантыйском языке будущее время может обозначаться при помощи личных форм настоящего времени глагола *pit-* 'начать, стать' + инфинитив смыслового глагола.

В ряде прибалтийско-финских языков аналитические формы будущего времени образуются посредством личных форм вспомогательного глагола, восходящего к прафинно-угорскому **lē-* (**le-*) 'стать, быть' + инфинитив смыслового глагола, ср. лив. *tāma āb tieda, mis ta lib tied* 'он не знает, что он будет делать'; нечто подобное встречается и в финских народных песнях: *itse lienen löylyn lyöjä* 'я сам буду увеличивать жар', см. также в кар. *lēn sōmäs* 'я буду есть'; от вышеприведенных конструкций несколько отличается эст. *ehk meie lēneme sāwa* 'может быть мы получим'²¹, где вместо инфинитива смыслового глагола выступает его причастная форма.

В финском языке будущее действие или состояние выражается личными формами настоящего времени глагола *tulla* (основное значение 'приходить', вторичное 'стать, становиться', ср. *tulla tunnetuksi* 'стать известным') + *-m*-овый инфинитив смыслового глагола, ср. *tulen lukemaan tāmän kirjan* 'я прочту эту книгу'.

Начиная с XVII века в эстонских памятниках появляется аналитическая форма будущего времени, образуемая от личных презенсных

¹⁶ Б. А. Серебрянников, Историческая морфология пермских языков, стр. 277.

¹⁷ P. Ariste, A Grammar of the Votic Language (= UAS 68), Bloomington—The Hague 1968, стр. 72.

¹⁸ Пример сообщен А. Лаанестом.

¹⁹ Пример сообщен Е. И. Ромбандеевой.

²⁰ В. Munkácsi, указ. раб., NyK XXII 1892, стр. 63.

²¹ J. Györke, Das Verbum *lē- im Ostseefinnischen (= ACUT B XL 2), Tartu 1937, стр. 4, 14, 8.

форм глагола *saama* (основное значение 'становиться, стать') + инфинитив на *-ma* смыслового глагола; подобные конструкции, выражающие будущее действие или состояние, встречаются еще в ливском, в финских диалектах и особенно часто в людиковском наречии карельского языка, ср. люд. *midä nügü suqmmе ruqdamä?* 'что мы теперь будем делать?'.²²

Аналогичные случаи превращения глаголов со значением 'становиться, стать' в вспомогательные глаголы будущего времени наблюдаются и вне финно-угорских языков; ср. нем. *werden* 'стать' и *ich werde arbeiten* 'я буду работать', рус. *я стану учиться*.

В подобных аналитических конструкциях изредка участвуют вспомогательные глаголы, восходящие не к глаголам, обозначающим 'начинать' или 'становиться', например в водском *vettä* 'брать', ср. *miä ävitin sermuhsē, tšen vetab leütä* 'я потерял кольцо, кто его найдет?'.²³

Представлены в эстонском и саамском языках футуральные аналитические формы, образованные при помощи глаголов модального значения: эст. *tahtma*²⁴ 'хотеть', саам. *gal'gat* 'долженствовать', ср. *lügne del giara-gietjèu jiiťjad älgèn nälle, die galgòv mánna jis màddagòv lüg'ňjat jiiťjana älgèn nälle* 'подними теперь вершинный конец (дерева) на свое плечо, тогда я подниму корневой конец на свое плечо'.²⁵ Глаголы модального значения как компоненты футуральных аналитических конструкций встречаются и в языках других семей, например, в английском *shall* 'долженствовать', *will* 'хотеть'.

От рассмотренных аналитических форм будущего времени, употребляемых в разных финно-угорских языках, отличается слабо развитая форма будущего времени в финском языке: в нее входят личные формы настоящего времени глагола *olla* 'быть' + причастие настоящего времени смыслового глагола (см. использование причастной формы и в вышеприведенном эстонском примере); ср. *olen sanova* 'я скажу', *olet sanova* 'ты скажешь' и т. д., *hän on antava rahaa* 'он даст денег'.

Глаголы бытия в функции вспомогательных глаголов будущего времени используются и в других языках, ср. рус. *буду писать, будешь писать* и т. д. (формы *буду, будешь* и т. д. восходят к глаголу *быть*).

Вторая разновидность аналитической формы будущего времени представлена в мансийском языке в виде конструкции из частицы *taħ* + личные формы настоящего времени смыслового глагола; ср. *itipalay ampaltəm joħtëyn taħ* 'вечером ты ко мне обязательно придешь'. Частица *taħ* восходит к наречию *tajaħ* 'потом', но в отличие от последнего, будущее время выражает только в составе указанной аналитической формы. Данная форма (в отличие от аналитической формы, образованной при помощи вспомогательного глагола *patuňkwe*) служит для выражения действия, которое в будущем завершится.²⁶

²² J. Mägiste, Eesti saama-futuuri algupärast ja tarvitamiskõlblikkusest. — Akadeemilise Emakeele Seltsi Toimetused XXIX, Tartu 1963, стр. 20, 30, примеры из эстонского и других прибалтийско-финских языков см. на стр. 16—20.

²³ P. Ariste, указ. раб., стр. 72.

²⁴ По мнению И. Мягистэ, данная эстонская форма развилась под влиянием немецких диалектных форм; см. указ. раб., стр. 30.

²⁵ W. Schlachter, Wörterbuch des Waldlappendialekts von Malå und Texte zur Ethnographie (= LSFU XIV), Helsinki 1958, стр. 43, 252.

²⁶ Пример сообщен Е. И. Ромбандеевой, она впервые выявила данный тип будущего времени в мансийском языке и его видовую сущность в прогивопоставлении с другой аналитической формой, образованной при помощи вспомогательного глагола *patuňkwe* (см. выше).

Любопытно, что и в венгерском языке имеется подобная возможность выражения будущего действия или состояния — с помощью частицы *majd*; ср. *még nem feleltem a levélre, de majd felelek* 'я еще не ответила на письмо, но отвечу'. Однако сочетание формы настоящего времени с частицей *majd* не следует считать аналитическим выражением будущего действия, поскольку *majd* может сочетаться и с обычной аналитической формой будущего времени, образуемой посредством вспомогательного глагола *fog-ni* (см. выше); ср. *még nem feleltem a levélre, de majd fogok felelni* то же.

IV. На финно-угорской почве супплетивный способ выражения будущего действия или состояния выявляется только в микросистеме глагола бытия, причем в языках, весьма отдаленных друг от друга в генетическом отношении: в венгерском, прибалтийско-финских, пермских. Данный способ заключается в том, что форма настоящего времени, построенная на основе прафинно-угорского глагола бытия (**wole-*), дополняется формой будущего времени, построенной на основе прафинно-угорского глагола **lē-* (**le-*) 'стать, быть', ср. венг. *vagyok* 'я есть', *vagy* 'ты есть' и т. д. и *leszek* 'я буду', *leszel* 'ты будешь' и т. д., *tanító leszek* 'я буду учителем'; вод. *елен* 'я есть', *елер* 'ты есть' и т. д. и *лэн* 'я буду', *лэв* 'ты будешь' и т. д., *i sil' lēväd lahzer* 'и у тебя будут дети'²⁷; вепс. *mustikoid' liññeb, oma jo lud* 'черника будет, уже есть незрелые плоды'²⁸, лив. *ja jelād, sis lib leib* 'если ты работаешь, хлеб будет'; кар. *ni liev šilda* 'тогда будет мост'²⁹.

В коми языке вместо спрягаемой формы настоящего времени глагола бытия используется слово *em* (во множественном числе *emeš*), не изменяющееся по лицам (*em* 'я, ты, он есть', *emeš* 'мы, вы, они суть'); первоначально данное слово имело значение 'имущество, добро'.³⁰ Формы будущего времени коми глагола бытия (как в венгерском и прибалтийско-финских языках) образованы от глагола, восходящего к общефинно-угорскому **lē-* (**le-*) > общеперм. **lɔ-*³¹; ср. коми *loa* 'я буду', *loan* 'ты будешь' и т. д. Подобным же образом формировалось супплетивное выражение будущего времени в удмуртском языке, в котором глаголу бытия с *ʋ*-овым корнем в формах настоящего времени³² соответствует глагол с *l*-овым корнем в формах будущего времени; ср. та клубды ужъяськымон вань, чебер лэсьтэмды 'это ваш клуб, таков (есть), что можно похвалиться, красиво построили'; тон бөрдысь вал 'ты был плаксой', возьды турнамын луоз 'луг (ваш) будет скошен'.³³

Хотя в разных финно-угорских языках в супплетивном образовании форм будущего времени используется один и тот же *l*-овый глагол, это

²⁷ Р. Ariste, указ. раб., стр. 68—69, 71.

²⁸ М. И. Зайцева, М. И. Муллонен, Словарь вепского языка, Ленинград 1972, стр. 292.

²⁹ J. Guöke, указ. раб., стр. 3, 16.

³⁰ По мнению В. И. Лыткина, коми *em* сопоставляется с эст. *om*, фин. *on* < *om 'есть' (см. КЭСК 332), по мнению К. Редей, оно восходит к *elēme < доперм. **elä-* 'жить' и сопоставляется с удм. *vai* 'бытие, существующий' (см. K. Rédei, A létiige jelen idejji alakjai a permi nyelvekben, — NyK LXIX 1967, стр. 166).

³¹ КЭСК 161.

³² Говоря о супплетивности противопоставления *l*-овых форм будущего времени *ʋ*-овым формам настоящего времени, нужно иметь в виду, что в перечисленных языках *ʋ*-овый глагол может иметь и формы прошедшего времени; *l*-овый же, выступая в форме прошедшего времени, обозначает не 'быть', а восстанавливается в значении 'стать'.

³³ Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения, Ижевск 1970, стр. 138—139.

явление не следует возводить к финно-угорскому языку-основе: оно возникло в результате вполне естественного параллельного развития (как было показано выше, и вне семьи финно-угорских языков нередки случаи перехода глаголов со значением 'стать' во вспомогательные глаголы форм будущего времени).

Формы будущего времени в финно-угорских языках применяются в разной степени, как правило, редко (например венгерская аналитическая форма, образуемая при помощи вспомогательного глагола *jög-ni*), в некоторых языках даже очень редко (например финские аналитические формы, образуемые посредством вспомогательных глаголов *olla* и *tulla*). Это объясняется прежде всего широкими возможностями использования формы настоящего времени (см. выше).

Кроме того, в отдельных финно-угорских языках, помимо вышеприведенных способов выражения будущего действия и состояния, выявляются и другие вспомогательные средства, тяготеющие к обозначению будущего действия или состояния, хотя по своей основной функции они не предназначены для выражения временных значений.

К числу таких средств следует отнести использование приставочных глаголов в венгерском языке. Большинство приставок в данном языке служит прежде всего для изменения семантики глагола, но нередко они ему придают совершенное (перфективное) видовое значение. Именно через перфективизирующую функцию префиксов приставочные глаголы приобрели особую возможность выражать формой настоящего времени будущее действие или состояние; ср. *ne félj, biztosan eljön* 'не бойся, он непременно придет'; особенно отчетливо значение будущего времени, выраженное приставочными глаголами, выступает при противопоставлении таких глаголов бесприставочным; ср. *már olvasom a könyvet és hamarosan elolvasom* 'я уже читаю книгу и скоро прочту'.

В мордовских языках формы объектного спряжения, предназначенные для указания на определенное прямое дополнение (если соответствующий глагол переходный, а обозначенное им действие мыслится как совершенное), вообще не могут выражать действие, происходящее в момент речи, а только будущее или прошедшее действие (в отличие от форм безобъектного спряжения, которые могут выражать действие во всех трех временных планах); ср. эрзянские безобъектные формы настоящего времени *mon moran* 'я пою' и 'я спою', *mon kundan* 'я ловлю' и 'я поймаю' и эрзянскую форму объектного спряжения *kundasa* 'я поймаю его'. И в данном случае ориентация на выражение будущего действия основана на совершенном видовом значении глагола.

Б. А. Серебренниковым отмечена способность словообразовательных суффиксов, выражающих однократное действие, придавать форме настоящего времени значение будущего действия (состояния); ср. например, мар. *šoyet* 'стою', но *šoyalam* 'встану', *kăčkărem* 'кричу', но *kăčkăralam* 'крикну'.³⁴ В отдельных финно-угорских языках в такой же функции могут использоваться словообразовательные суффиксы начального значения (см. раздел II), например, хант. *-kət/-kəvt*: ср. *mă kitmăt*

³⁴ Б. А. Серебренников, Историческая морфология пермских языков, стр. 275 (транскрипция примеров уточнена — К. М.).

ал «кэмсамол'исна» ропылтэкэтэлэм 'я второй год буду работать в «Комсомольце» (досл.: я второй год в «Комсомольце» начинаю работать)'.³⁵

*

Как показывает наш краткий обзор, в большинстве финно-угорских языков существует ряд способов выражения значения будущего действия или состояния. Выбор способов в одних случаях зависит от специализации соответствующих средств (например по видовому признаку), в других же обусловлен стилистическими причинами.

³⁵ Н. И. Терешкин, Очерки диалектов хантыйского языка I, Москва—Ленинград 1961, стр. 108.

К. J. MAJTINSKAJA (Moskau)

DAS FUTURUM IN DEN FINNISCH-UGRISCHEN SPRACHEN

In der finnisch-ugrischen Grundsprache gab es noch keine besondere Zeitform für den Ausdruck der zukünftigen Handlung, da die Präsensform auch für diese Funktion geeignet war. Als Resultat paralleler Entwicklung erschienen später in den meisten finnisch-ugrischen Sprachen verschiedenartige futurische Zeitformen. Sie werden nach vier Haupttypen gebildet. I. Typ: mit Anwendung einer besonderen Reihe von Personal-suffixen (z. B. in den permischen Sprachen). II. Typ: mit Anwendung besonderer Tempus-Charaktere (z. B. des alten Suffixes *-nd* im Ungarischen und *-e ~ -i* in der Tawda-Mundart des Wogulischen). III. Typ: mit Anwendung analytischer Formen, an deren Bildung Hilfsverben und Partikeln teilnehmen; in der Regel stehen die entsprechenden Hilfsverben noch den Verben recht nahe, aus denen sie sich entwickelt haben; die meisten von den letzteren bedeuteten früher (oder bedeuten noch jetzt) 'beginnen' oder 'werden (zu etwas)'; die mit Hilfsverben gebildeten analytischen futurischen Formen kommen in allen Zweigen der finnisch-ugrischen Sprachen vor, eine mit der Partikel *tax* gebildete analytische Zeitform wird aber nur im Wogulischen gebraucht. IV. Typ: mit Anwendung suppletivischer Bildungen; sie werden als Futurumformen bei Existenzverben der permischen, ostseefinnischen und ungarischen Sprachen gebraucht. Auch in den neuen finnisch-ugrischen Sprachen kommen die futurischen Zeitformen ziemlich selten vor, da in ihrer Funktion die Präsensform und andere Hilfsmittel (z. B. momentane Bildungssuffixe) auftreten können.